

ЖАН ЖОРЕС — вождь французских социалистов-антимилитаристов, первая жертва мировой войны, убитый империалистами перед объявлением войны.

Работа худ. Рабичева.

Знамя парижских коммунаров под охраной московского пролетариата.

Фот. А. Тулеса.

В Воскресенье, 6-го июля, на Октябрьском поле состоялось торжественное вручение Красного Знамени парижских коммунаров пролетариату СССР.
На снимке—Всесоюзный староста М. И. Калинин произносит речь перед трудящимися, собравшимися на торжество. Рядом с Калининым—генеральный секретарь Сенской федерации французской компартии—тов. Кост, привезший знамя в Москву.

В связи с засухой на нашем юго-востоке—в Москве состоялось совещание Наркомзема с беспартийными крестьянами—членами ВЦИК. На совещании был подвергнут обсуждению план Наркомзема на ближайшее время по восстановлению и поднятию уровня советского сельского хозяйства. На нашем снимке—в центре сидит М. И. Калинин, позади него стоит Наркомзем А. П. Смирнов.

Траур по Маттеоти.

Фот. Дж. Грауденн.

Труп убитого Маттеоти не найден до сих пор. Это лишило всех многочисленных ненавистников фашистского режима возможности выразить свой протест против убийства путем массового участия в похоронах. Но, по мере обнаружения истинной картины убийства, негодование различных классов настолько возросло, что решено было устроить траурную манифестацию по Маттеоти. Многочисленные процессии сошлись на месте убийства, где и были возложены венки. Во время гражданской панихиды и речей тысячи людей с чисто итальянской фанатичностью стояли на коленях. Фашистское правительство не могло даже воспротивиться последующей молчаливой демонстрации — повсеместной остановке всякого движения на территории Аппенинского полуострова.

На месте убийства. Возложение венков.

Человек, от которого отказались даже фашисты.

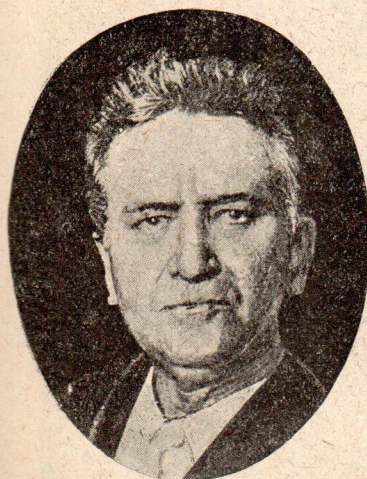
Фот. для «Огонька».

Америго Думини, главный физический убийца депутата Маттеоти. Все назначенные судом адвокаты отказались от его защиты. И даже фашистские юристы, которых затем призвали, не захотели взять на себя защиту человека, ненавидимого всем итальянским народом.

Кто будет американским президентом?

P.-P.-N.-S.

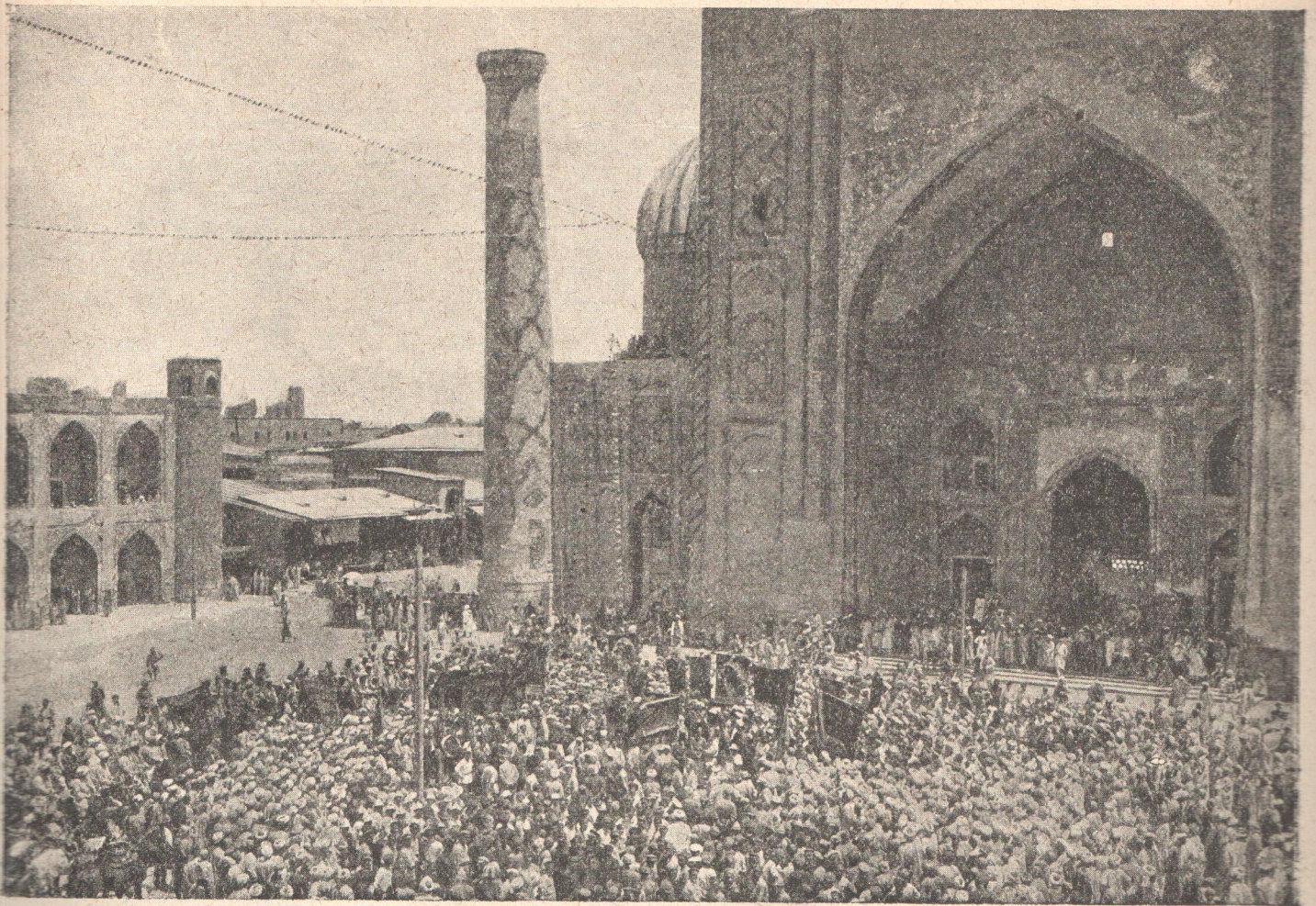

Америка уже за полгода до выборов намечает преемников Куллиджу. Более ста раз баллотировались фамилии кандидатов только от одной демократической партии, никто не мог получить абсолютного большинства. Не меньше времени отняли и предвыборные конференции других партий, в том числе и новой «третьей партии», отстаивающей, под флагом поддержки фермеров, чисто буржуазные взгляды и интересы.

Кандидаты демократической партии на президентский пост, спорящие до сих пор о том, кто из них будет единственным и обязательным для всех членов этой партии кандидатом: сенатор **Ундервуд**, губернатор **Смит**, зять покойного Вильсона **Мак'Аду**, сильно скомпрометированный нефтяной панамой, но имеющий все же крупные шансы пройти на выборах, кандидат «третьей партии» сенатор **Ла-Фолетт**, сплотивший вокруг себя всех недовольных политикой республиканцев и демократов; за ним не пошли только американские коммунисты, мало склонные верить сенаторским обещаниям.

„Кошчи“ — союз бедняков-земледельцев.

Фот. А. Михайлова.

В середине июня туркестанский союз «Кошчи» торжественно отпраздновал четырехлетний юбилей своего существования. «Кошчи» — это объединение бедных дехкан (земледельцев). Это один из самых больших союзов Туркестана, насчитывающий в своих рядах 150.000 членов беднейшего крестьянства и батраков. Союз является организацией бедноты туркестанской деревни, объединяющей трудовые элементы для совместного отстаивания экономических и культурных интересов, опираясь на сов. власть. Членами союза «Кошчи» может быть батрак, мардокер (половинщик), малоземельный крестьянин и скотовод, не прибегающий к наемному труду.

В Самаркандской области союз возник в 22 году, объединив за 2½ года 21801 чел. На снимке — митинг членов союза «Кошчи».

Борьба за президентское кресло в Америке.

International-Newsreel.

Митинг в Буффало (штат Огайо, С.-А. Ш.), где проводилась предвыборная конференция республиканской партии.

Кто расстрелял 26 комиссаров в Баку.

Фот. для «Огонька».

Председателем английской делегации на англо-турецкой моссульской конференции оказался прославленный сэр Перси Кокс. У этого имени кровавая память в Закавказьи. По приказу Перси Кокса, возглавлявшего британскую оккупацию в Баку, были, при соучастии меньшевиков, расстреляны в 1919 году 26 коммунистов. Теперь неутомимый агент английского империализма охотится за турецкой нефтью. Наш снимок изображает старого палача (слева), выходящего после безрезультатного заседания моссульской конференции.

МОРЕ.

Стихотворение Эммануила Германа

Мне ходить ледяными тропами,
 Я к полярному кругу приперт.
 Но строками, как трапами, память
 В черноморский срывается порт.
 Я строкам не перечу: влеките!
 Я ль от северных бед улизну
 В южный город, одетый, как в китель,
 В алебастровую белизну?
 Здесь, у раковин тряску трапа,
 Где любить, точно плавать, легко,
 Мне понравилось душу царапать
 О прибрежный гравий и кокс.
 Здесь, где шторм над волнами хлопочет
 И не знает, куда их послать,

Я ломал свой ребяческий почерк
 На погибельный песенный лад.
 А когда в толчее типографий
 Он бумажною славой набух,
 Я топтал металлический гравий
 Оловянных, запыленных булв.
 И хвалили меня и ругали.
 Но и сотому не был знаком
 Этот хруст изрыгаемых галек
 Под притоптывавшим башмаком.
 И никто, из за строчек игровых
 Общепризнанного остряка,
 Не видал, что на брызжущих гривах
 Трепыхалась вожжою строка.

Но строкой не обуздана удаль!
 И, заснувший с листком в кулаке,
 От морского докучного гуда
 Просыпался в кофейне лакей.
 Ну, и рокот! От строчек листка ли
 Оглушительное: «сторонись»?
 А веселые волны плескали
 С перелистываемых страниц.
 Черноморьем напеты песни,
 Голубая, летучая ртуть—
 Сохранили соленую спесь они,
 Бушевавшую в южном порту.

Эммануил Герман.

Черноморский флот.

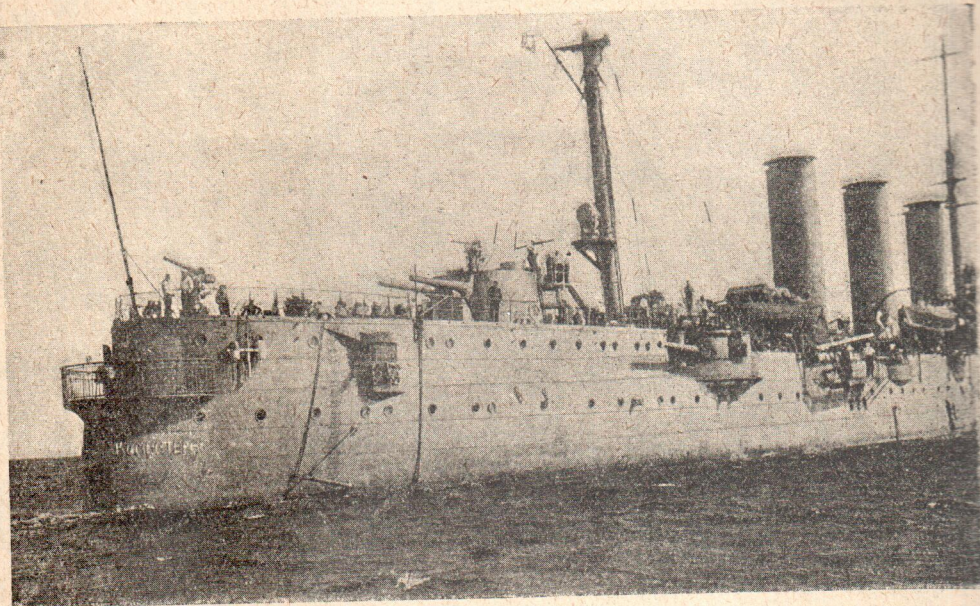
От специального корреспондента «Огонька».

...Мимо залитых солнцем гористых берегов Одессы, мимо тысяч купающихся приближается к порту под алым флагом главнокомандующего морскими силами крейсер «Коминтерн». За ним вырисовываются контуры «Незаможника», дальние миноносцы «Шмидт» и «Марти», дивизион подводных лодок, канонерки и тральщики.

До революции «Коминтерн» назывался «Платье Меркурия». Белые бросили его. Началась лихорадочная восстановительная работа. 1 мая 1923 г. с Севастопольской бухты новый «Коминтерн» совершил свой первый выход в море. Теперь, гордо омываемый золотыми лучами южного солнца, купаясь в родной воде, он идет во главе Красного черноморского флота...

Душный, солнцем залитый день 28 июня. Десять лет назад, в этот же день, пришедший в Одессу накануне вечером, броненосец «Князь Потемкин-Таврический» поднял красное знамя свободы. Прошло девятнадцать лет. Всем еще памятна эта борьба моряков за свое освобождение. Теперь красное знамя свободно развевается над рабоче-крестьянским флотом.

Эскадра медленно входит в порт. Рабочие и красноармейцы Одессы, ожидающие гостей, приветствуют морскую опору. На палубе крейсера на чальник морских сил тов. Виктор.

Крейсер «Коминтерн».

...Вечером наверху, на бульваре Фельдмана, тысячи глаз наблюдают за играющими с эскадры ослепительно-белыми полосами света прожекторов. А в городе, тут и там, мелькает знакомая Одессе родная фигура прожженного солнцем и прожиганного соленой водой и соленым воздухом красного черноморского моряка...

Красный Черноморский флот в Одессе уже второй раз. Одесса видела другие эскадры.

В ее порту стояли суда Франции, Англии, Греции, Италии, стояли грозные дредноуты и направляли иерла своих пушек на город и на красные войска.

И глядя теперь на стройные суда, на мощные колонны наших кораблей—Одесса подводит итог проделанной военными работами и верит, что 2000 верст, границы Черного моря, зорко охраняются красными сторожами.

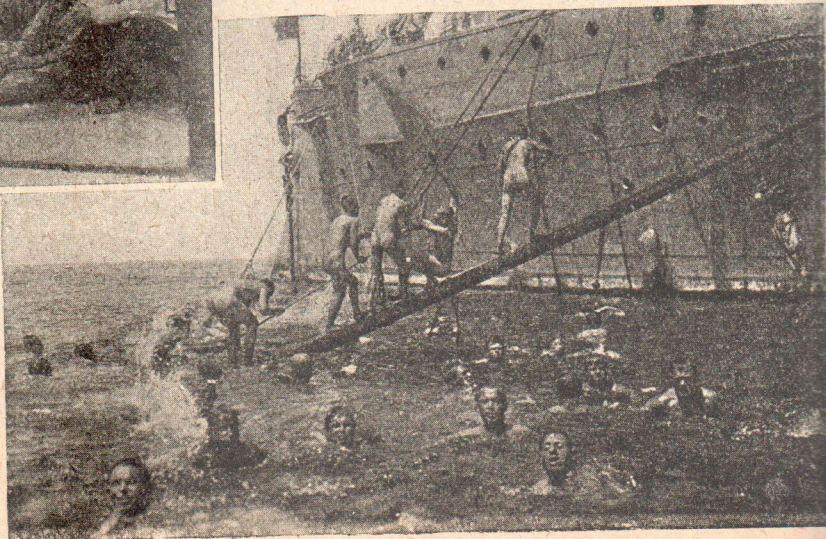
Политработники на палубе.

— Дело возрождения нашего флота, — говорит тов. Виктор, — находится в крепких и мощных руках. Черноморский флот кровно спаян с Красной Армией, нашим пролетариатом и незамыслимым крестьянством. Да здравствует этот непобедимый союз!

На берегу тов. Виктор, во главе реввоенсовета Красного Черноморского флота и представителей одесского пролетариата, пропускает церемониальным маршем всех собравшихся встречать черноморцев.

Бодрыми рядами идут воинские части, рабочие колонны, комсомольцы и юные пионеры.

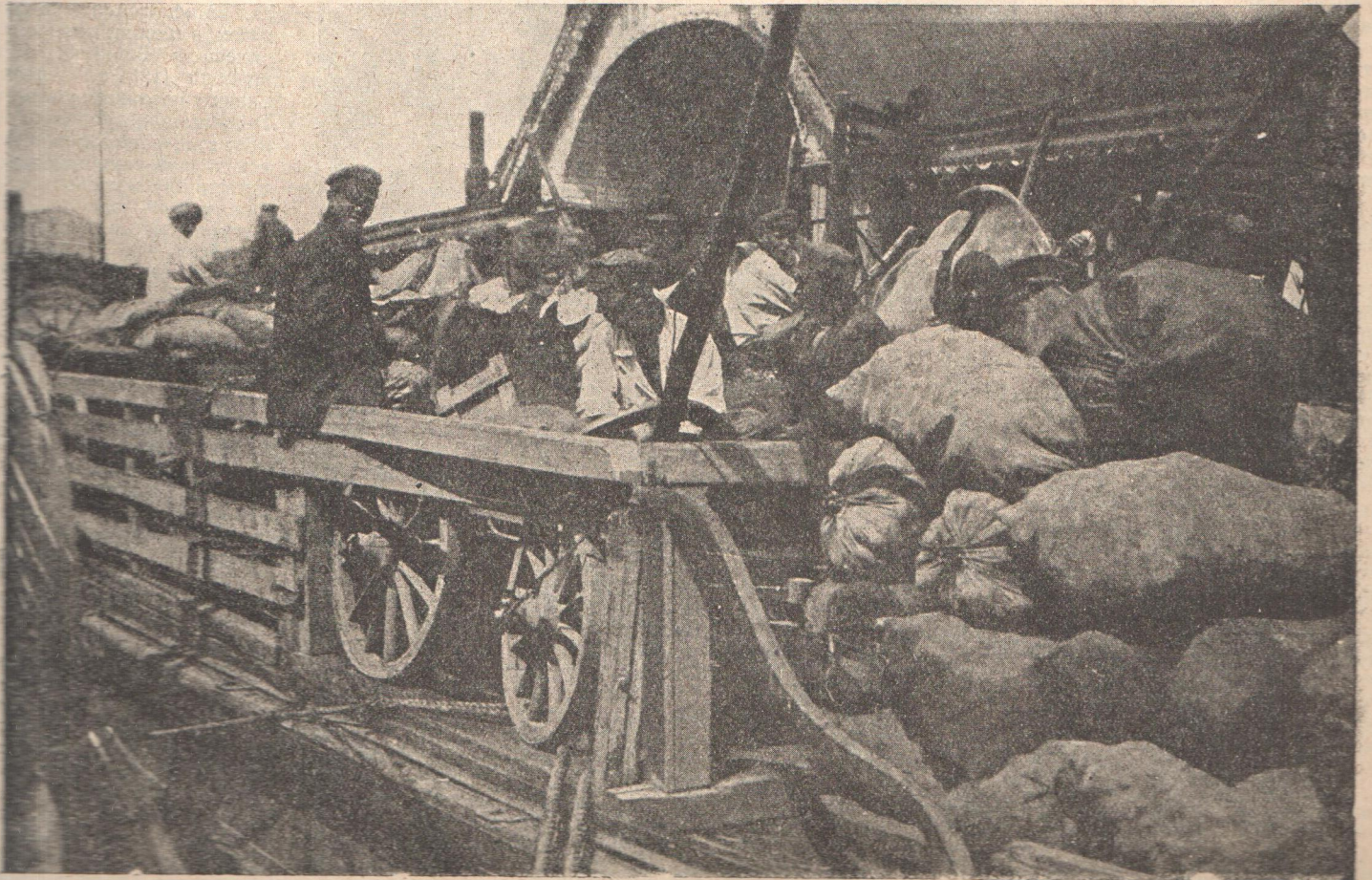
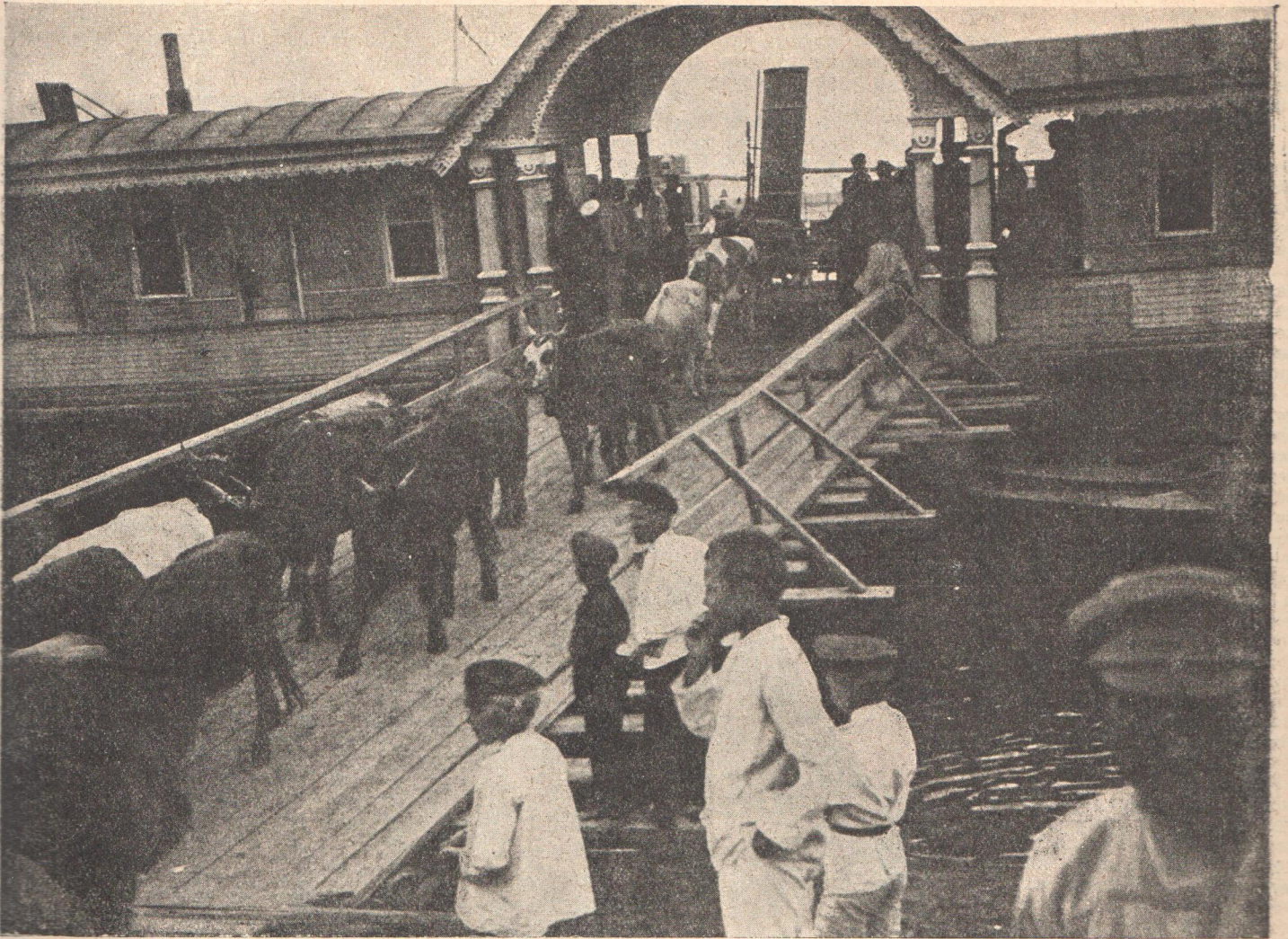
Тем временем все суда эскадры входят и располагаются в обширной и уютной одесской гавани. Часть команды спускается на берег.

Купанье команды.

ЗАСУХА В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

От саратовского корреспондента «Огонька».

Пользуясь засухой и нехваткой корма для скотины за Волгой, торгаша за бесенок скупают ее и гуртами переправляют в Саратов для продажи на убой. На верхнем снимке — выгрузка снога, скупленного в степях Новоузенского уезда, с переправы. Крестьяне из сел луговой стороны Волги приезжают в город Саратов за пшеном, мукой и картофелем. На нижнем снимке — перевоз, отправляющийся за Волгу и нагруженный крестьянскими повозками, на которых крестьяне приезжали в город за хлебом. На носовой части повозки в мешках картофель.

Антон Павлович Чехов родился 17 января 1860 г. в Таганроге. Его отец Павел Георгиевич (Егорович) — купец 2-й гильдии, был владельцем дома и небольшой лавки, в которой продавалась бакалейная и гастрономическая мелочь. Дед Чехова происходил из крепостных крестьян помещика Черткова, но выкупился на волю и служил в конторе графского имения в Платовке, где во время летних каникул гащивали его внуки — Антоша с братьями Александром, Николаем, Иваном и Михаилом. Эти поездки совершались обычно на волах и, вероятно, вспоминались Чехову, когда он писал свою «Степь», в которой впечатление маленького Егорушки, — подлинное переживание самого Антоши.

Строй чеховской семьи держался на традициях почитания и послушания старших. Отец, человек талантливый, любитель живописи и церковного пения, воспитывал детей строго и, не будучи вовсе жестоким, наказывал сыновей розгой и ремнем — по старому обычаю. В раннем детстве был Антоша много раз сечен. Учился он сперва в греческой школе некоего Вучины, педагогические приемы которого сводились к битью и порке нерадивых учеников — детей таганрогских шкиперов и матросов. В ту пору был еще Таганрог портовым городом, утратив в последствии всякое торговое значение и став унылой и бедной провинцией, столицей которой являлся соседний Ростов н/Дону. Таганрог конца 70-тых годов описан Чеховым в целом ряде его рассказов — в «Моя жизнь», «Огни», «Учитель словесности» и других, в которых проходит перед читателем безотрадная жизнь тоскующих и ноющих интеллигентов с их безформенными мечтами о прекрасной жизни через 200—300 лет. Тот символический русский город, в котором «нет ни одного талантливого человека», и в котором «все только пьют, едят, от скуки рожают детей и лгут» — это Таганрог с его унылыми провинциальными заборами, за которыми задыхается кроткие, любящие Анны Львовны и мечтатели Тузенбахи...

Антоша и Коля «Тсеховы» были зачислены Вучиной в разряд неуспевающих и два года, проведенные в учении у учителя-мучителя, были тяжкими годами. «В детстве у меня не было детства», с грустью вспоминал об этой вовсе не золотой поре своей жизни Чехов. Из греческой школы — в гимназию. Она была мрачна, бездушна, пропитана казенным формализмом. Ее учителя послужили Чехову оригиналами для «людей в футлярах», которых он описал в рассказах «Учитель словесности» и «Человек в футляре». Учился Антоша средне. Два раза «сидел», оставаясь на второй год в классах. Свободное от гимназических уроков время — торговал в лавке и пел в церковном хоре. И за прилавком и на клиросе чувствовал себя «маленьким картинником». Не потому ли с таким сочувствием говорит он о деревенском мальчишке Ваньке Жукове, написавшем печальное письмо своему дедушке и о замученной в работе Варьке, задушившей чужого ребенка (рассказ «Спать хочется»).

Только ласка и нежная заботливость матери — Евдокии Яковлевны («Сердце у нас от матери, талант от отца» — говорил Антон Павлович) смягчали строгую будничность гимназических, приказачьих и певческих повинностей Чехова. Перейдя в шестой класс, Антоша неожиданно очутился на положении взрослого, самостоятельного человека. Отец, окончательно разорившись, ликвидировал свою торго-

вую, и, забрав всю семью, уехал навсегда из родного Таганрога в Москву. Антон Павлович поселился у некоего Селиванова, купившего с торгов дом Павла Егоровича, и уроками начал зарабатывать себе на жизнь. На лето уезжал он репетировать племянника Селиванова — казацкого сына Кравцова, хутор которого описал он впоследствии в рассказе «Печенеги».

Но юноша не терял бодрости духа. Непостоянный на выдумки, он морил со смеха

Антон Павлович Чехов.

товарищей и родных смешными историями и потешными сценками, легшими потом в основу многих его юмористических маленьких рассказов. В 1879 году Чехов окончил гимназию и, в свою очередь, перешел в Москву, поступив в университет, на медицинский факультет. Со второго курса он уже начал печататься в юмористических журналах Москвы и Петербурга — «Стрекозы», «Будильнике», «Развлечению», «Зрителю» и во многих других, успев за первые годы своего шатания по мелкой журналистике испробовать все: писал и рассказы и сценки, давал подписи к рисункам и обозрения московской жизни, в газете успел напечатать большой роман и... репортерские отчеты о судебном процессе. Для своей семьи Антон Павлович становился центром: влияние отца отошло на второй план. И неизвестно, как просуществовали бы Чеховы без материальной и нравственной поддержки Антона Павловича, на руках которого была сестра Мария Павловна, младший брат Михаил и жившая в доме тетушка Феодосия Яковлевна. Отец почти и не бывал в семье: он служил в амбаре купца Гаврилова, где и ночевал; нравы и быт этого амбара были потом изобра-

жены Антоном Павловичем в его повести «Три года». Гонорары молодого писателя не были блестящи — «за каждой трехрублевой приходилось хаживать в редакцию по нескольку раз», — вспоминал он сам об этой поре своих «комаров и мух», как называл он написанные им для «Стрекозы» или «Осколков» мелочи. Но писалось ему легко, сюжеты рождались внезапно один за другим в невероятной комбинации чисто гротескных шаржированных очертаний. И эти, с первого взгляда как будто бы вполне беззаботные шутки о глухих, смешных и поплых людишках, на самом деле содержали нечто большее, чем простое зубоскальство: в них выступала вся забитость, вся приниженность российского обывателя, отданного под надзор унтеру-офицеру Пришибееву. Недаром именно этот Пришибеев, герой Чеховского рассказа, стал теперь нарицательным именем! И было так много меткого, яркого и необыкновенно выразительного в писанинах «Антоши Чехонте» — псевдоним молодого Чехова, — что на них скоро обратили внимание уже в более серьезных изданиях.

Этот первый период творчества Чехова завершился приглашением дать большую вещь для толстого журнала, — «Северный Вестник», в котором, вслед за «Степью», — первой повестью Чехова, — были напечатаны «Огни», «Именины», «Скучная История», — вещи, сразу выдвинувшие Чехова в первый ряд тогдашней русской беллетристики и поразившие критику и читателя новизной своей формы.

Личная жизнь Чехова складывалась в ту пору крайне удачно. Его заработок позволял летом снимать дачи под Москвою. Так живет Чехов с семьей сперва в Воскресенске и Звенигороде, уездных городах Московской губернии, а затем в имении помещика Кисилева в Бабкине. К этому времени (1884 г.) Антон Павлович уже окончил университет. Медицинской практикой он почти не занимался и хотя на всю жизнь сохранил в лечении к медицине и любовь к сословию врачей — врачи постоянно фигурируют в его рассказах и пьесах, — но подлинной профессией своей избрал литературу. Молодой Чехов полон энергии и жизнерадостности. Ему не сидится на месте, — он вечно путешествует: с хутора

«Лука», Харьковской губернии, где он живет у Литваревых, он уезжает то в Феодосию, то в Одессу, то на Кавказ, то навещает свои родные места — Таганрог и Донецкую область. Пейзажи этих мест переданы в ряде рассказов Чехова, — в «Перекасти-Поле», «Святою ночью», «Дема». В 1890 году Чехов отправился на остров Сахалин, с целью изучить каторгу. Поездка протекала в необыкновенно тяжелых условиях: Великого Сибирского железнодорожного пути тогда еще не было и Антону Павловичу пришлось трястись на перекладных, в холоде и под дождями. Несомненно, поездка эта болезненно отразилась на здоровье Чехова, легкие которого были уже затронуты (первое кровохарканье было замечено еще в 1880 г.). На Сахалин пробыл Чехов три месяца, выполнив самую тяжелую работу по переписи всего подневольного населения острова, составив десять тысяч статистических карточек и отобрав богатейший материал по истории края, а также по его флоре и фауне. Результатом поездки была книга «Остров Сахалин», в которой, наряду с исчерпывающими историческими, статистическими и этнографическими данными, проходит

Памяти А. П. Чехова.

Одна из комнат Чеховского музея в Москве.

необыкновенно яркая и сильная картина жизни каторжан.

В 1892 году Чехов приобрел небольшое имение «Мелихово» — в семидесяти верстах от Москвы и в десяти от станции Московско-Курской жел. дороги — Лопасня. С этого момента начинается один из самых значительных периодов в его писательской и личной биографии. Годы, проведенные в Мелихове (1892—1898), отмечены созданием таких произведений, как «Моя жизнь», «Три года», «Черный монах», «Мужики», пьеса «Чайка». В них запечатлена русская жизнь той эпохи, — жизнь унылая, печальная и безотрадная, озаренная лишь мечтами о той правде, которая должна придти, чтобы побороть зло. И в этих рассказах звучит страстная вера Чехова в человека, которому потребны не три аршина земли, которые нужны трупу, а весь шар земной, для того, чтоб он мог проявить свое живое творческое призвание, и стать «выше львов и тигров, выше всего, что непонятно».

В Мелихове широко развинулась и общественная деятельность Чехова: он бесплатно лечит окрестное население, строит несколько школ, и в качестве гласного Серпуховского земства неустанно заботится в аулах нищей деревни, устраивая санитарные пункты, пожарные сараи, прокладывая шоссе, а в холерный год строя бараки, и энергично борясь с надвигающейся эпидемией. Вся его волевая, актуальная натура, по своему складу столь противоположная «нытикам и пыжикам», им описанным, проступает за эти мелиховские годы срособенной четкостью. Давняя страсть к путешествиям не покидает его. Он не забыл тех сильных и глубоких впечатлений, что дал ему Индийский океан и остров Цейлон в дни его возвращения с Сахалина, и он снова стремится отправиться в далекие страны. Он несколько раз едет за границу — в Италию, в Германию, Австрию, теперешнюю Чехо-Словакию, месяцами живет в Париже и в Ницце. Но здоровье его с каждым годом хуже и хуже. Уже доктора гонят его из Мелихова — и вот он в Ялте, где строит новый дом, ту «Белую дачу», которая превращена теперь в музей его имени. Сюда, по смерти отца, переезжает в Мелихове, переезжает его мать и сестра, и здесь проводит он последние годы своей жизни попрежнему в неустанной творческой работе. В Ялте написаны «Архивер», «Невеста», «Три

сестры», «Вишневый сад». К ялтинскому периоду относится сближение Чехова с Московским Художественным Театром, в котором еще в 1897 году с огромным успехом прошла его «Чайка». Чехов отдает в этот театр все свои большие пьесы и становится его пайщиком. Его дружественная связь с «художественниками» закрепляется и становится поистине родственной в 1901

году, когда Антон Павлович женится на артистке Художественного Театра О. Л. Книппер. Из других фактов его биографии за этот период нужно отметить избрание почетным академиком по разряду изящной словесности Академии Наук. Но академиком пробыл Чехов недолго; узнав об изгнании из Академии по приказу царя М. Горького, он немедленно, в виде протеста, ушел из академии. В этом еще раз сказалась его активная действенная натура, не желающая примириться с насилием и злом.

17 января 1904 года в вечер первого представления «Вишневого сада» Чехова чествовал Художественный Театр и все литературные и многие общественные организации обеих столиц и России. Этот вечер оказался вечером прощания Чехова с нежно любимой им Москвой: его здоровье было настолько уже плохо, что доктора предписали ему заграничное лечение, отправив Антона Павловича в июне этого года в Баденвейлер — курорт в Шварцвальде. Здесь на руках жены он скончался в ночь на второе июля. Умер Чехов — по свидетельству лечившего его доктора, — как герой.

Он умер под грохот японских пушек, громивших Порт-Артур и потопивших русский флот при Цусиме. Вместе с Чеховым умирала тогда и старая «чеховская» Россия.

Поколение новых людей, выросших в грозу и бурю великого Октября, изжило без остатка сумеречность хмурых, ноющих лишних людей. Сумерки сменились ясной зарей. Чехов стал историей. Но как художник он оставил современникам наследие огромной ценности. «Новые формы», в создании которых видел Чехов свою единственную заслугу, — изучаются нами со всею пристальностью. Новая русская литература в них выросла и крепла.

Юрий Соболев.

У стен Зимнего дворца.

Фот. А. Поповского.

На большом зимовском сквере — парад пяти тысяч ленинградских пионеров-демократов, ставших наследниками великой традиции в октябре 1917 г.

ЗНАМЯ ПАРИЖСКИХ КОММУНАР

Общий вид Октябрьского поля (б. Ходынское поле) 6-го июля, в день торжественной передачи Красного знамени

Т Е Т Е Э М.

Рассказ Н. Огнева.

В память О. Генри и в почтительное ему подражание.

1.

Дурцев был верзил, по его собственным словам, ростом в квадратную сажень. Так наше знакомство началось еще в допетровские времена, то рост Дурцева, как он говорил, его емкость, — я изменил, проглотив с четвертью бутылок в один присест. Это не покажется удивительным, если объяснить, что самогонку Дурцев тут извергал обратно довольно необычным способом: в виде слез. Упившись, Дурцев

начинал плакать, жаловаться на свою судьбу, которую он почему-то называл индейкой, на задаром сгубленную молодость, на любовь к морю, благодаря которой ему ни разу не удалось побывать на море и вообще, говорил необычные вещи, свойственные пьяному девятнадцатилетнему человеку... Доканчивая последнюю из вмещавшихся в меня пяти подбутылок, я втайне завидовал его емкости, наружно весьма сочувствуя его сгубленной молодости и прочей чепухе. Единственное, чему я не мог поверить, это его морским не-

удачам, потому что атлантические, тихие и ледовые океаны слез, среди которых он возвышался (подобно нефискому пику или падающей пизанской башне) наглядно опровергали его жалобы. Он выли и плакал манером кошки с прищемленным хвостом, заливался, как ребенок в люльке, обзлившийся на состав известки, и сунутой ему под видом московского молока, скулил, плакал в сочинениях Густава Эмара и вообще, вел себя как добрая дожина папиросников в пригожий вечер.

В трезвом виде Дурцев никогда не извергал водов, волг и амазонок; зато он загонял меня в необычные Сахары и Гоби своих стихов. Он мог в течение двенадцати часов подряд по поясному времени считать гринвичского меридиана, хлебывать ямбами, грохотать хорейми, насекомить ваш мозг амфибрахиями и угрожать ваше сознание анапестами. Образы, встречавшиеся в его стихах, оккупировали ваш мозг без всякой надежды на комиссию экспертов. Тут были и дикие мустанги, и чудские в облаках, и планеты, снимающие штаны, и предаться непозволительному флирту, и ветры, играющие в футбол солнцем вместо мяча и он сам — в Плуттона, Тритонга, Лаокоона, Пирамидона и какой-нибудь неведомого мне бога Гандония.

Не раз я уговаривал его бросить это палящее занятие.

— Слушай, Дурцев, — говорил я отечески брат матерински, примыкая всю нежность сердца к его нескладному верзиле, который одним прикомовез своей клешни мог, не заостря вогнать меня в землю. — Не думаешь ли ты, что тебя после смерти ставят со шляпой пониже спины на одном из бульваров, смущать учениц второй ступени? Или ты, может, мечтаешь, что лучше сесть в задумчивой позе против одних из общественных кабинетов задумчивости? Или в то, что это может кончиться плохо для меня: если я дойдю до этого высокопарного момента, то, во имя представителя цеха поэтов, я обязательно позвоню в твой чугунный рот какое-нибудь поганое слово пошло. Меня заберут — и в этом виноват будешь.

— Слушай, Кум, — отвечал Дурцев. Он звал меня Кумом, хотя ни он ни я ни разу не участвовали в какой-нибудь ловечной попытке утопить едва рожденного ребенка. Слушай, Кум Ты умрешь раньше меня. Это решено давно и так написано в книге Судеб. Мало того, я уже написал тебе эпитафию, которая своей шпилькой и остроумием превосходит Парни, Ронсара и Гейнхольда. она, слушай:

Сесоюзный библиотечный съезд.

Фот. А. Форсиони.

Часть президиума—(слева-направо): Н. К. Крупская, Смущнова и Шершевская.

Фот. А. Тулеса

парижских коммунаров пролетариату СССР.

Уж не сыграет больше скерцо
На струнах-нервах скрипка-боль.
Его стогоградского сердца
Не тронет больше алкоголь.
Ни шумом не смутят, ни гулом
Его покой—ноги он сам,
Напившись водки с Вельзевулом
Не взвоет, пьяный, к небесам!

Дальше шли строки, достойные Баркова и недостойные этих страниц. Это было бы еще ничего, но Дурцев имел обыкновенно непосредственно от эпитафий переходить к чтению стихов о своих амурных приключениях. Этому я уже совершенно

не верил, потому что Дурцев боялся женщин, как автомобилей. Каждый женский взгляд на улице бросал его в такую дрожь, что он пытался засунуть голову ко мне в карман. В стихах же он был влюблен во все семьсот миллионов женского населения земных материков. Что он намеревался с ними делать, я не знаю. Не мог же он пережениться на всех по-очереди, несмотря на успехи омоложения, достигнутые последнее время Штейнахом и прочими дядями. Тем не менее, Клоринды, Персифей, Анакоиды, Лии, Фармакопей и Загабобей изрыгались из его рта, подобно патронам из пулемета. Это не могло кончиться добром. Так и вышло. Добром это не кончилось.

2.

Однажды мы с Дурцевым сели в одну и ту же калошу и прикрылись одним и тем же ботинком. Короче говоря, мы остались без миллиарда денег в кармане. В те времена уже открыл свои радужные перспективы Госспирт и подмаргивал из каждого окна многообещающий Винторг. Положение было одно из самых отчаянных. Перед моим умственным взором тучами носились совзнаки и казали кукиши червошам.

В этот неблагоприятный момент обнаружилось третье качество Дурцева. Он оказался приставалой. Я лежал на кровати на своем чердаке, ходить по которому можно было скрючившись в четыре погибели, а Дурцев занимался двумя указанными делами сразу: то-есть: крочился в упомянутое количество погибелей — и ходил.

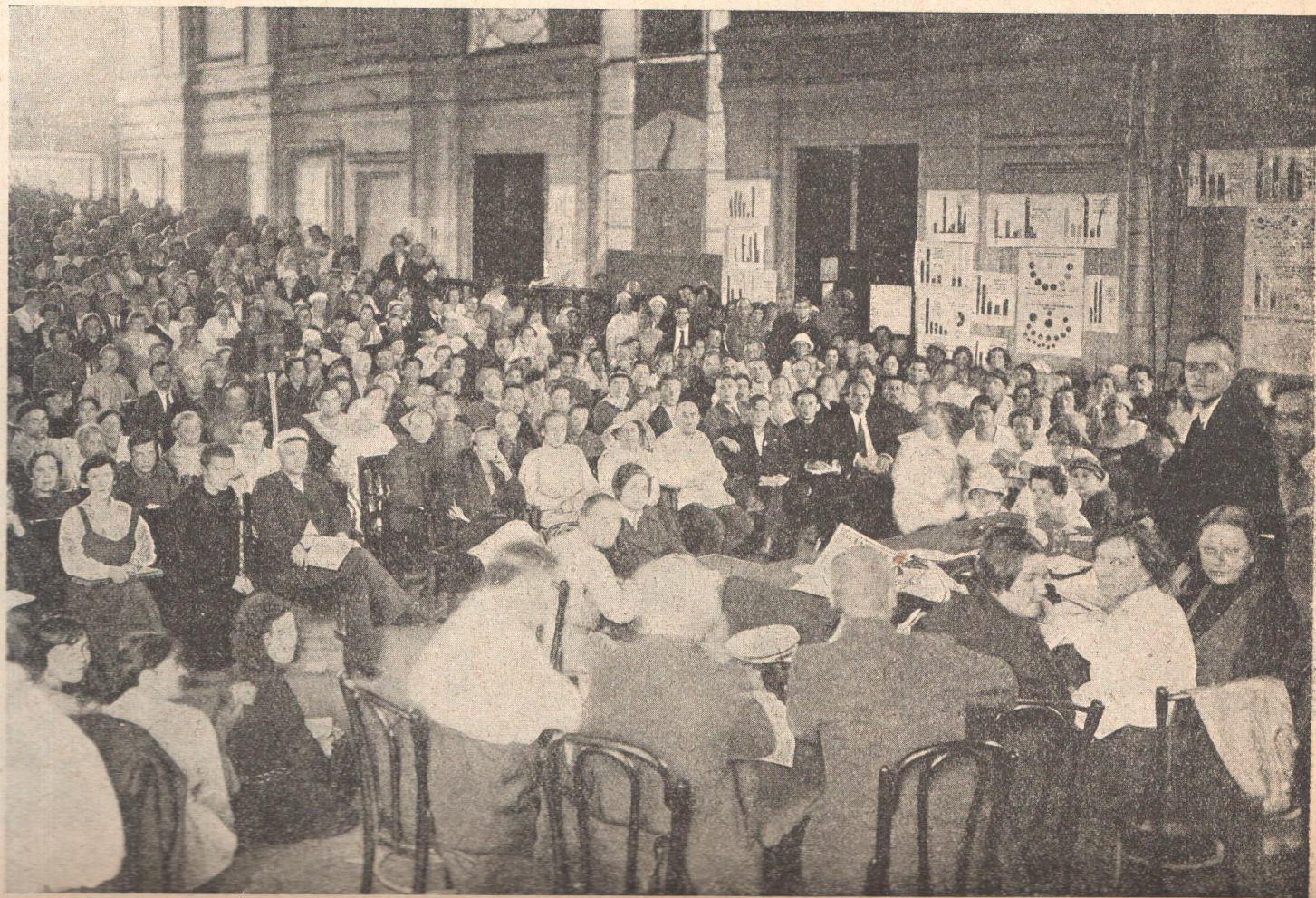
И вот — без всякого предупреждения — Дурцев нарушил мой иммунитет.

— Слушай, Кум, — сказал он, простирая четвертую погибель над моей головой. — Ведь, у нас нет денег.

— Я знаю, Дурцев, — кротко, но экстерриториально возразил я, — что у нас нет денег, совзнаков и, вообще, червонцев

Всесоюзный библиотечный съезд.

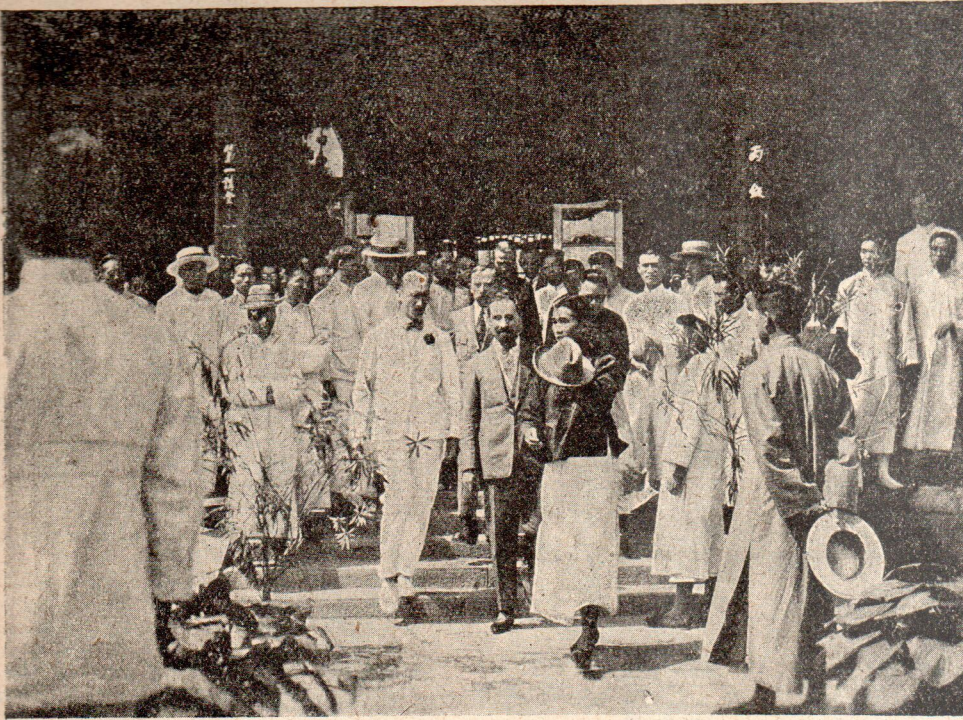
Фот. А. Форсиони.

Общий вид с'езда. За столиком (справа-налево): Н. К. Кружков, Сушиков, замед. библиотечн. отд. Главлитпрофета и Шурштина, ее заместительница

Советско-китайское сближение.

От пекинского корреспондента «Огонька»

Полпред СССР в Кигая Л. М. Карахан (справа) и поэт Сергей Третьяков (занимающий сейчас кафедру русской словесности в Пекинском университете) прибывают на торжественное празднество в Пекинском парке в честь СССР. В знак уважения Кигая к СССР впереди Л. М. Карахана несут его шляпу.

Но сотрясением воздуха ты их не вызовешь. Так что — засохни.

— Да, но ты должен их достать, — грубо заорал Дурцев. — Твоя способность, твой талант, твой гений по этой части должны быть приведены в действие немедленно. Иначе старая эпитафия будет уничтожена и будет написана новая — о безмозглом мизантропе, уничтожателе человека.

И он начал приставать ко мне также нагло и назойливо, как тот летучий скот, строением тела похожий на слона, которого зовут комаром только потому, что он маленький. Дурцев же был громаден, от этого его назойливость выростала до размеров и дурацкого вида колокольни Ивана Великого. В конце-концов, я не выдержал. Мой гений проснулся и заработал с мощностью пяти гектоуатт-часов в секунду, но без присылки моговского счета.

— И ты — ты, один из двух столбов Геркулеса, неизвестно из чего сделанных, — заорал я далеко не благим блатом (матом я не привык выражаться). — Ты, длинная сосиска, распухшая от поэтической дурасти! Ты, случайно уцелевшее от времен бездурья бревно! Одним словом, — ты, вот именно ты, Дурцев, а не кто-нибудь другой, — ты — осел!

— Но почему же именно: осел, — робко спросил Дурцев, расписываясь в своей фамилии.

— Да потому, что ты умеешь трудиться, чего не умею я, привыкший жить халтурой, — и, умея трудиться, ты спрашиваешь меня, где достать денег. Ну, не осел ли ты после этого? Но ты еще дважды осел! Ты — осел в миллиардной степени! Ты осел не на червонное, а на совзначное исчисление! Ты — мул, зебра, помесь лошади с верблюдом, крокодила с петухом, зайца с цаплей. Взгляни в угол, где стоит твое дреколье, похожее на выводок пауков и скажи, имеешь ли ты право спрашивать денег у меня, у меня, ничего духом и телом, а главное — карманом?!

Дурцев взглянул на меня и нерешительно выволок на середину комнаты один за другим три ящика пыльного вида. В ящиках таились землемерные инструменты,

принадлежавшие Дурцеву, но решительно ненужные ни ему, ни мне.

— Что же с ними делать? — спросил он, почесываясь.

— И он, боги Халдеи и Халтуры, еще спрашивает, что с ними делать! Да понимаешь ли ты, жирафское отродье, что с этим основным капиталом нам не страшно весь консорциум банков на Уол-Стрит, не страшно общее собрание тигров раджпутанских джунглей и даже желтый амстердамский интернационал...

— Скажи пожалуйста, — перебил меня Дурцев задумчиво. — А как голосуют тигры на общем собрании?

— Они голосуют хвостами, — нетерпеливо ответил я, — но это не по существу. Гораздо важнее твое семейство пауков. Вытаскивай их и объясняй их род, вид, семейство и особые приметы.

— Вот это — теодолит, — начал Дурцев, выволакивая из ящика некое трехногое насекомое, похожее на выпившего марсианина. — Инструмент чрезвычайно точный. Его точность превосходит всякие ожидания.

— Как, примерно, точность трамвайных часов, — пояснил я.

— Вот-вот, — согласился Дурцев. — Вообще, это самый точный из всех точных инструментов.

— Мне, однако, надоело о точности, — сказал я. — Перенесем этот вопрос на повестку следующего заседания. Вытаскивай другого паука.

Другой паук оказался здоровенной подзорной трубкой, лихо укрепленной на ржавом постаменте. Трубка могла поворачиваться вверх и вниз, — конечно, не по своему желанию.

— Это — кипрегель, — важно сказал Дурцев. — Его назначение делать горизонтальные с'емки. А вот этот, третий инструмент, называется пантометр. Это такой же теодолит, но похуже.

— С жульничеством, — понял я. — Мне как-то честней других кажется карбункул. Вытаскивай тряпку и мел и приводи его в трезвый вид.

— Ты хотел сказать: кипрегель, — ответил Дурцев, принимаясь за тряпку.

— Я и говорю: киркундель. Действуй скорей, чтобы не успели запереться магазины.

Так образовался Трест Теодолитных Махинаций — *Тетезм*.

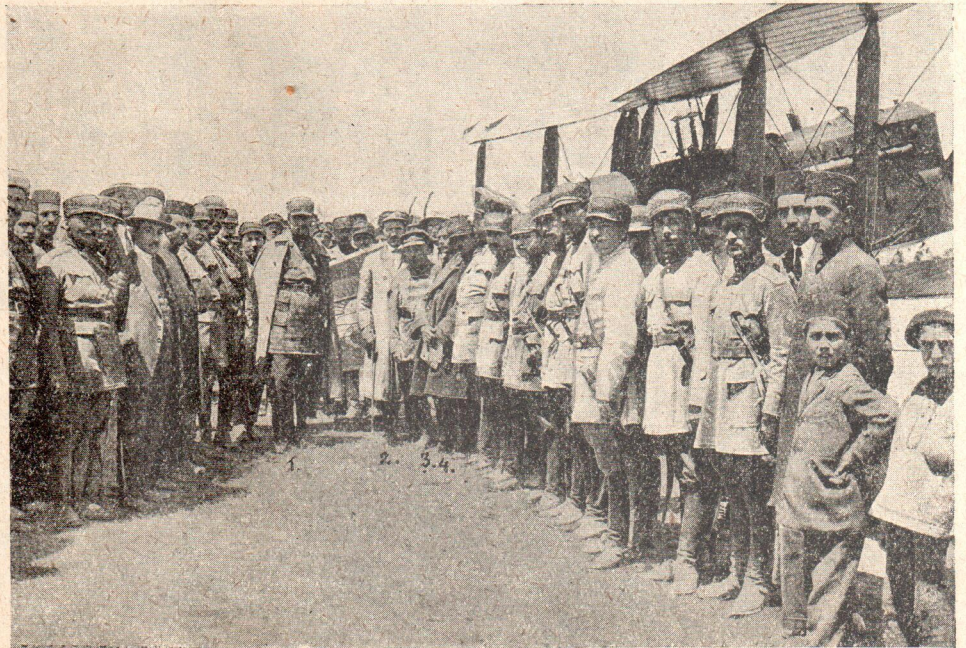
3.

В двадцать первом по счету магазине, стукнув ящиком об пол, Дурцев запел было в двадцать первый раз свою песню, о том, как хорош и незаменим его кегельбан при всякого рода с'емках, но тут его перебил я.

— Не о с'емках идет речь, — рявкнул я, обращаясь к продавцам, покупателям и старухе-нищей, отворявшей дверь. — Если вы желаете сниматься, обращайтесь

Прилет в Персию советских аэропланов.

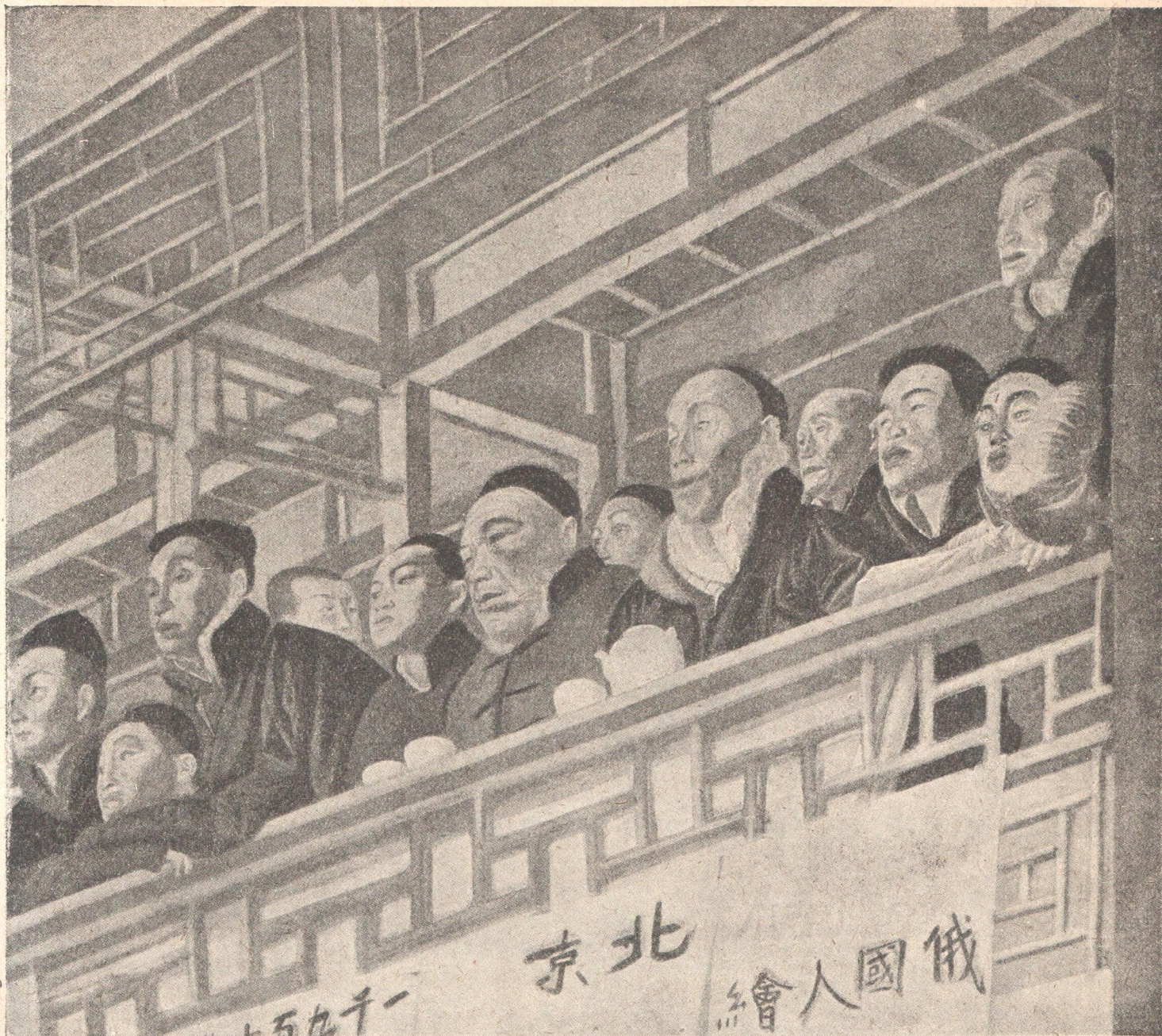
От специального корреспондента «Огонька».

Всего в Персию прибыло 7 аэропланов разных систем, которые при испытании на скорость, выносливость, удобство сборки и разборки и проч. оказались лучше одновременно прибывших французских аэропланов. На снимке — стук аэропланов, изготовленных для Персии на заводах СССР. Среди присутствующих при спуске: 1. Премьер и главнокомандующий Персии Сердор Сейях, 2. Полпред СССР в Персии тов. Шумяцкий, 3. Военный-атташе СССР тов. Бобрищев и 4. Старший летчик тов. Васильчиков.

Китай в изображении русского художника.

Фот. для «Огонька»

Галерея китайского театра—картина художника Александрияковлева.

на бульвар к фотографу. Этот инструмент, который я, чтобы не оскорблять вашего слуха, называю просто карапунгелем, имеет громадные преимущества! Прежде всего, он точен! Его точность превосходит точность перерыва от часу до трех на обед, точность отхода поездов с московских вокзалов и даже точность метеорологического бюро...

— Предсказатели погоды, — определила нас компания, собравшаяся в магазине, и через секунду мы, вместе с капустагелем, грохнулись на мостовую. Старуха-нищая сладострастно прищемила Дурцеву левую пятку.

— Это все ты, — заметил Дурцев, отряхиваясь от пыли. — Дернул тебя чорт заговорить о погоде!..

— Не о погоде говорил я, о потомок ящерицы и тарантула, — нежно ответил я, ища разбитое пенсне. — Мне не дали докончить речь, иначе публика пришла бы в свиной восторг от качеств твоего карагеогия. Если ты не развернешь в следующем магазине своей дурацкой пасти и не начнешь изрыгать свою аналитическую теодиотику — я ручаюсь за успех. Теперь я подготовился.

С этики словами яростительно вошел в магазин научучотых изделий.

— Хозяин, — сказал я, — Вы видите перед собой волшебный инструмент. Его по недоразумению называют кабыздохом, но инструмент этот — совершенно непредвиденный, имеющий качества лампы Аладина. Прежде всего, он очень мило качает хоботом (Дурцев, покачай), затем — может быть применен в качестве предохранительного средства против назойливых покупателей и жуликов.

При этих словах кассирша высунулась из-за кассы и уставилась на Дурцева.

— Для этой цели, — продолжал я, — инструмент подвешивают на блок к потолку и в нужный момент вежливо смазывают им покупателя по затылку, — если покупатель, разумеется, ничего не покупает, а околачивается в магазине для прохладения времени. В случае же необходимости поимки жулика, — продолжал я, вдохновляясь собственной фантазией, — инструмент тоже подвешивают к потолку, в момент появления жулика осторожно подкрадываются к инструменту, подрезают веревку и инструмент пробивает череп жулика от макушки до пятого позвонка... Как видите, — никаких расходов на содержание и полная гарантия за успех на три года...

Оглянувшись на Дурцева, я увидел, что он извивается, как червяк на крючке рыболова. Его щеки принимали поочередно все оттенки красного цвета и сменялись бледностью цвета чистейшего спирта... Причина этих метаморфоз — кассирша — окончательно вылезла на прилавок, как лягушка на берег пруда и принимала пожарные меры, чтобы своротить бедному парию мозги. Но мне некогда было заниматься спасением утопающих. Я несся на всех парах.

— Итак, о хозяин, — воздел я обе руки кверху, — вам прямая выгода купить этот инструмент в полную собственность и распорядиться им по своему усмотрению. Перечисляя его качества, я забыл сказать, что в ясную погоду вы можете любоваться через трубку полетом аэропланов, игрой инфузорий в воздухе и ловлей солнечных лучей. Я сказал. Деньги.

И я величественно протянул руку. Хозяин, все время смотривший на меня вылизывая глаза, казалось, очнулся. Он радостно закивал головой и стал делать странные знаки кассирше. Кассирша отвечала ему тем же.

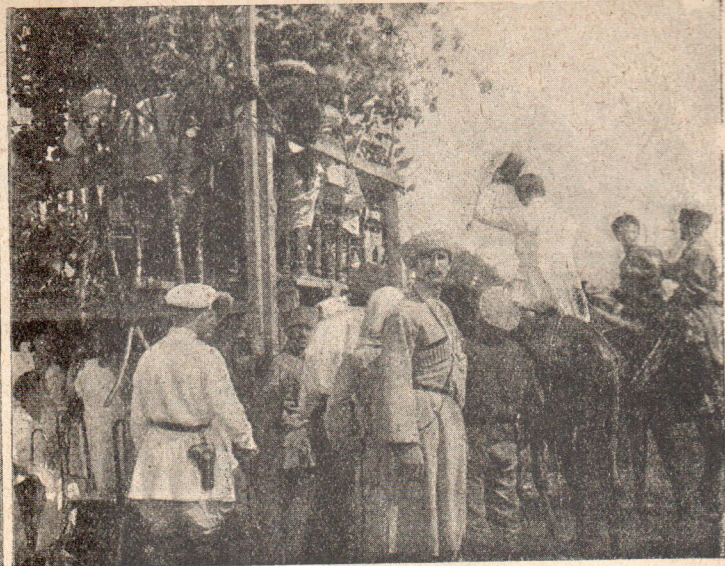
— Хозяин глухонемой, — сказала она, наконец, — и принял вас за кого-то дру-

Абхазия. Народные развлечения в Сухуме.

Фот. А. Козлова

Раздача призов победителям на скачках.

Сельчане, приехавшие на скачки.

того. Он велит вам выдать червонец, хоть и не понял ничего из ваших слов.

— Гражданка, — сказал я, нагнувшись над кассой. — Кто бы вы ни были, но вы очаровательны. Вами увлекся бы любой из обитателей земного шара, услышав ваш неземной голос.

И тотчас же мне пришла в голову мысль соединит эти два любящие, но страдающие сердца. Я всегда поступаю опрометчиво — такова моя натура.

— Итак, гражданка, — возгласил я. — Вот эта коломенская верста, рязанская каланча, башня святого Эфеля, что стоит сзади, это мой хороший знакомый. Его зовут Дурцев. То-есть, его зовут Май Синеглазый, но это имя он придумал себе сам и называют его так только те, кому охота тратить время. Он влюблен в вас, в ваши глаза, в ваши волосы и вообще во все ваше, во что можно влюбляться, не нарушая приличий и уголовного кодекса. Вечером мы будем здесь оба. Об-

думайте создавшуюся конъюнктуру. Идем же, о Май Синеглазый.

С этими словами я вылетел из магазина, боясь, как бы не одумался хозяин и не отнял червонца обратно. Отбежав к углу, я стал ждать Дурцева. Он не появлялся. Простояв дураком около четверти часа, я понял все. Меня охватил самый одинокий из всех ужасов мира — ужас пьяницы, потерявшего собутыльника.

Тогда я, неисправимый алкоголик, пошел прочь, предвкушая выпивку. В окнах Госспирта блистали приторные наливки и горькие ликеры. Винторг зловец светился мадерой и портвейном. На порогах кавказских шашлычных подозрительные люди улыбались спиртными улыбками.

В три места зашел я, и в этих трех местах истратил весь текущий капитал Треста Теодолитных Махинаций. Со своими покунками направился я в глухонемой магазин каучуковых изделий. Да, конечно, потомок крокодила и лестницы Иакова был тут, причем одна его половина была в кассе, а другая наружи.

— Хорошо же, всем юбкам застужка, — презрительно сказал я второй половине. — Прекрасно и великолепно, член-учредитель и пайщик треста! Как?! Бросать товарища, не кончив предприятия?! Постыдно дезертировать на пороге гастрономического магазина?! Ломать компанию — и ради чего?! Получай же ты — исчадие Керзона и его ультиматума!!!

И я бросил ему в его поганую, смущенную рожу букет фиалок, роз и ландышей. Кассирша нырнула на самое дно своего пруда. В углу тяжело сопел глухонемой хозяин.

— Да, вот так лопаются самые крепкие союзы, — со вздохом продолжал я. — Но о чем же думал ты, радио-телеграфная мачта, начиная за ней ухаживать? Не думал ли ты покатыть ее на автомобиле? Как бы не так, эппман эдакий! Получай книжечку трамвайных билетов и катай ее на линии Б с позднего утра до ранней ночи. А о развлечениях — ты подумал?! Где тебе, балдахин уволенного китайского императора! Так вот же тебе два билета в кинематограф «Меркурий» на завтрашний вечер, на драму длиной в пятьдесят тысяч килограммов! И помни, помни, помни, что выручил тебя только твой квиринал!!!

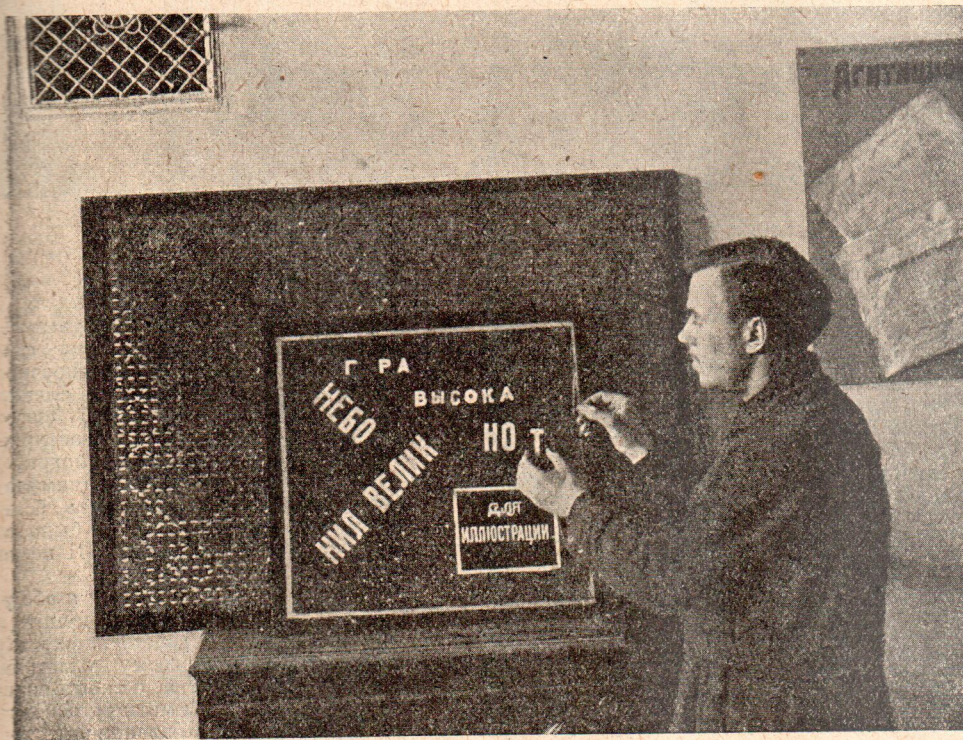
Я хлопнул дверью и вылетел вон.

Так лопнул Трест Теодолитных Махинаций — ТЕТЕЭМ, но в квадратильонный раз родились к жизни Молодость, Любовь, Счастье.

Н. Оснев

Стенная наборная газета.

Фот. Жоз. Мартова.

Модель наборной стенной газеты системы А. Лобовикова, рекомендуемой Главполитпросветом для изв-читален, нардомов и др. политико-просветительных учреждений. Процесс набора.

В целях упрощения и удешевления издания стенных газет, Главполитпросветом создана модель стенной наборной газеты. Модель представляет из себя железную доску с вырезанными на ней отверстиями, в которые вставляются буквы. Газета рас-

считана на 1.500 букв, с кассой в 2 тыс. букв. Особое место в газете отведено для иллюстраций. Доска может быть также использована, как плакат, объявление и т. п. Стоимость газеты с кассой — 20 рублей.

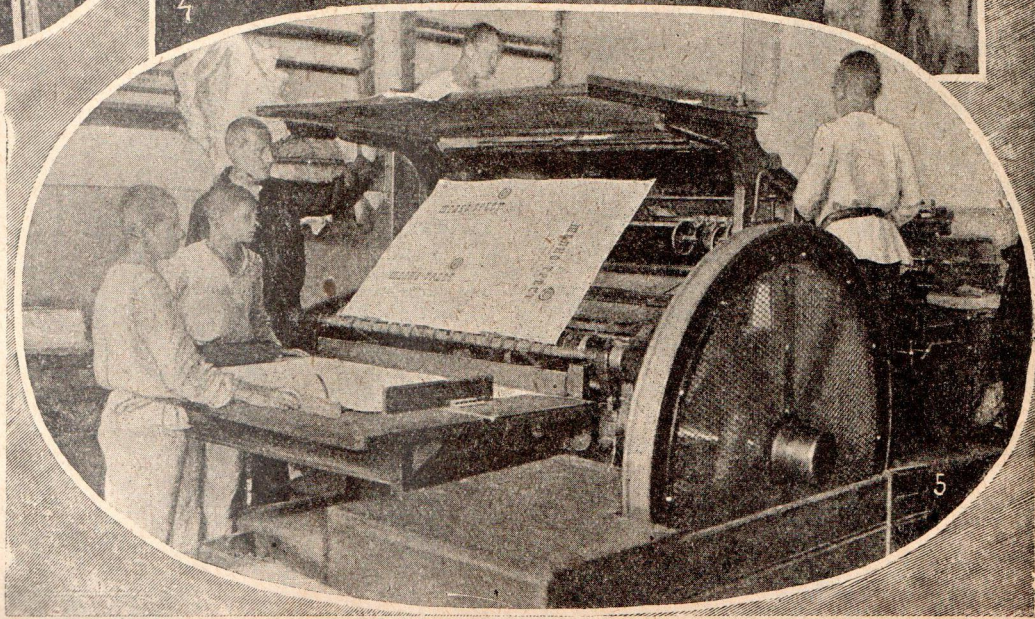
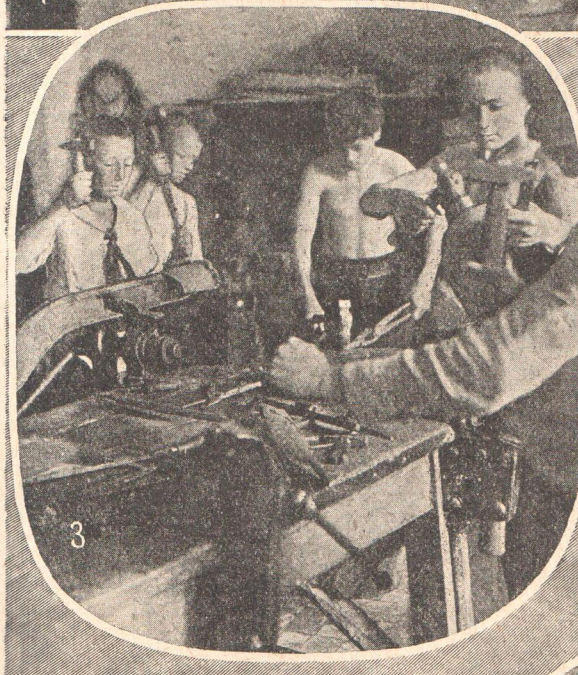
КАК ОБУЧАЮТСЯ ГЛУХОНЕМЫЕ.

У этих детей природа от рождения отняла слух и речь. Наука идет вперед—и если до сих пор приращенное отсутствие слуха

восприятием звуков отдельными детьми и работа с группами детей, уже усвоивших определенные звуки.

настойчивость и охоту к труду в учебных мастерских и типографиях.

То, что до революции было делом слу-

1. Групповое обучение глухонемых детей.
2. Индивидуальное обучение.
3. Работа глухонемых в мастерской.
4. Индивидуальное обучение.
5. В типографии.

еще не поддается излечению, то научные завоевания в области возвращения речи немым от рождения сделали такие успехи, что недалеко такое время, когда можно будет сказать: «нет больше немых».

Достигается это не легко. Долгий упорный труд педагога-специалиста, наличие специальных приборов, учебных пособий и приемов, постоянное медико-педагогическое наблюдение, в связи с определенным режимом воскрешают членораздельную речь у немых от рождения и дают возможность нормального общения с людьми.

Воспроизводим несколько основных моментов обучения глухонемых детей в образцово поставленном специальном учреждении (Арнольдо-Третьяковском училище): индивидуальная работа профессоров над

Дети знают, что при обоюдном упорном труде все трудности будут преодолены, что пройдет несколько лет и они смогут делиться своими впечатлениями не только при помощи условных знаков—и это сознание вселяет в них бодрость, радость жизни,

чайной частной благотворительности, теперь составляет заботы рабочей власти. Число учреждений, где немые дети возвращаются к культурной жизни, с каждым годом растет.

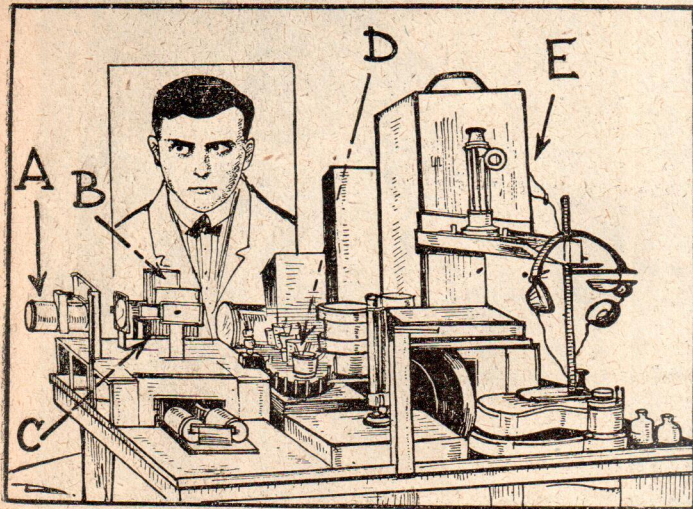
Передача изображений по радио.

Очерк *Б. Ликнайцкого.*

Фот. для «Огонька».

За последние месяцы в специальной технической иностранной литературе уделяют много места изобретению молодого венгерского инженера Дионисия Михали. Прибор Михали для передачи изображений на расстоянии, так наз. «телехор»,

мерный переменный ток от камертонного прерывателя. Видимая поверхность колеса пластина представляет

Отправительная станция «телехора».

позволяет передавать изображения в их совершенстве на неограниченном расстоянии, пользуясь принципами беспроволочной телеграфии.

На верхнем чертеже изображена отправительная станция телехора. А обозначает могущий перемещаться объектив, который отражает воспринятое изображение на другую, поддающуюся регулированию линзу (стекло). Подлежащее передаче изображение устанавливается очень точно при помощи зеркального рефлектора. Вторая линза отбрасывает изображение, предварительно собирав его на зеркальце анализатора В. Траверза, находящаяся между установочными винтами, приводится в колебание при помощи колеса Ла-Кура, к которому подводится равно-

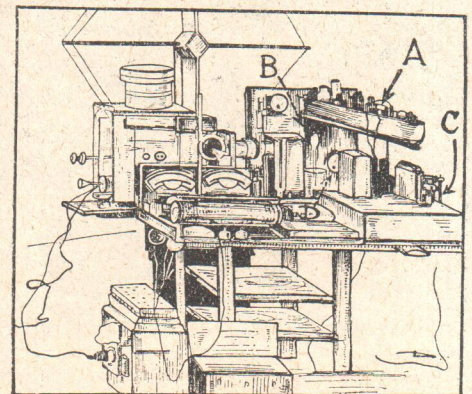
ном направлении колебания зеркального анализатора. От зеркала анализатора В изображение отражается к щели диафрагмы С; за этой щелью, поддающейся регулированию, вмонтирован селеновый элемент, находящийся в непроницаемом для лучей света футляре. Вызванные селеновым элементом импульсы тока, усиленные предварительно катодным усилителем Д, посылаются в отправительную радиостанцию Е.

На нижнем чертеже показан приемник. Достигающие его токи изображения усиливаются предварительно при помощи трех электронных реле А, и посылаются в очень чувствительный осцилограф В, на зеркальце которого большой проекционный фонарь снабженный объективом, по-

Процесс передачи изображений на далекое расстояние прибором венгерского инженера Дионисия Михали.

сылает через регулирующую щель тонкий пучок света. Отраженный от зеркальца пучок света падает на диафрагму, снабженную клинообразной щелью, таким образом, что пучок при неподвижном осцилографе падает мимо острия клинообразной щели, не проникая, однако, через нее. Если через осцилограф проходят «токи изображения», то зеркальце отклоняется, в зависимости от силы тока больше или меньше, от состояния покоя, и отраженный зеркальцем пучок света проникает через клинообразную щель, через места большего или меньшего сечения, и бросает при этом более или менее сильный свет на синтетизатор С,

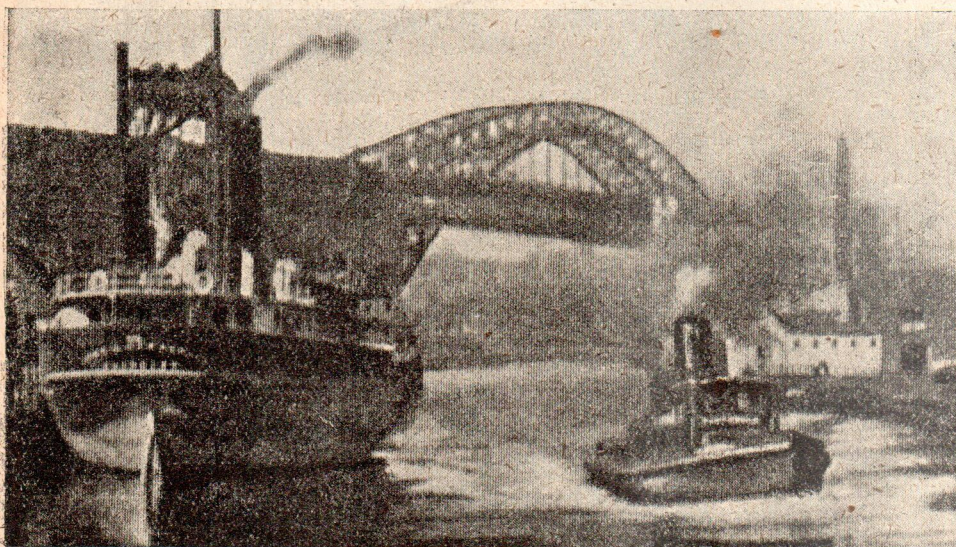

Приемная станция «телехора».

расположенный за щелью. Отраженный от зеркальца синтетизатора, пучок света падает на экран Д в виде густо лежащих синусоид, то исчезает, то усиливается и уменьшается в зависимости от того, противостоит ли на отправительной станции против селенового элемента часть изображения большей или меньшей освещенности.

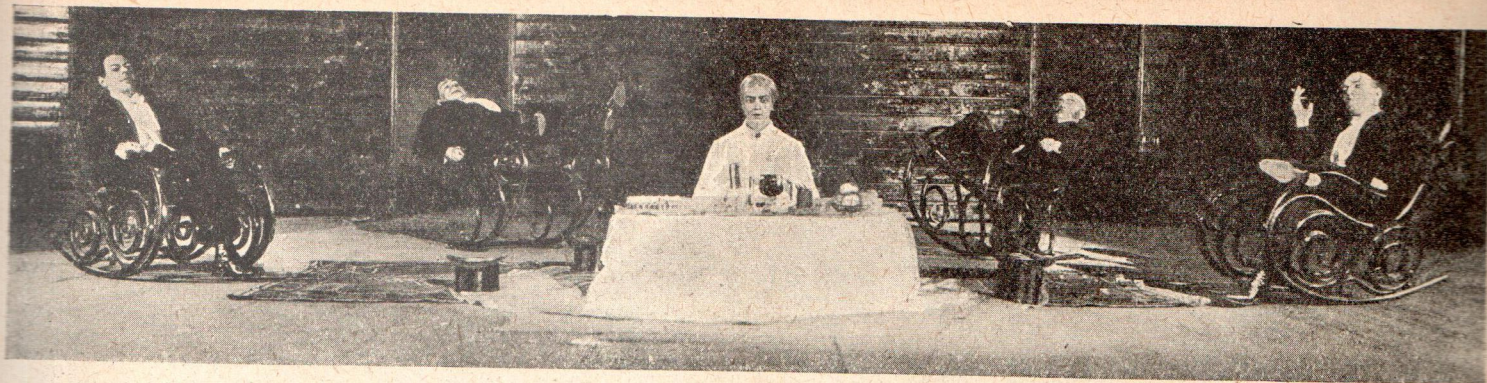
Описываемое приспособление разрешает, таким образом, проблему передачи изображений на далекие расстояния.

Б. Ликнайцкий.

Снимок моста в Клевелэнде (штат Огайо, С.-А. Штаты), переданный по радио-телефону на расстоянии 400 миль. Этот успех радио-телефонирования, кроме колоссального научного значения, имеет и большой практический интерес в применении к газетному делу.

Специальный № „ОГОНЬКА“, ПОСВЯЩЕННЫЙ десятилетию империалистической войны (1914—1924), ВЫЙДЕТ 27 ИЮЛЯ 1924 г.

13-й эпизод. Совещание акционеров треста «Д. Е.» «Де факто, де юре».

Очередная большая постановка В. Э. Мейерхольда — как всегда, событие большой важности не только в самом театральном мире, но и в широких слоях пролетарской интеллигенции и передовых рабочих.

В основу сценария «Д. Е.» легли: роман И. Эренбурга «Трест Д. Е.» (отрывки из которого печатались в «Огоньке») и отчасти, роман Келлермана «Туннеля». Едкому скептицизму идеи эренбурговского треста разрушения Европы противопоставлен оптимизм революционного «Радио-треста». Нужно, впрочем, указать, что сценарий скроен театром в конце не вполне гладко — но надеяться на исправление шероховатостей в дальнейших спектаклях.

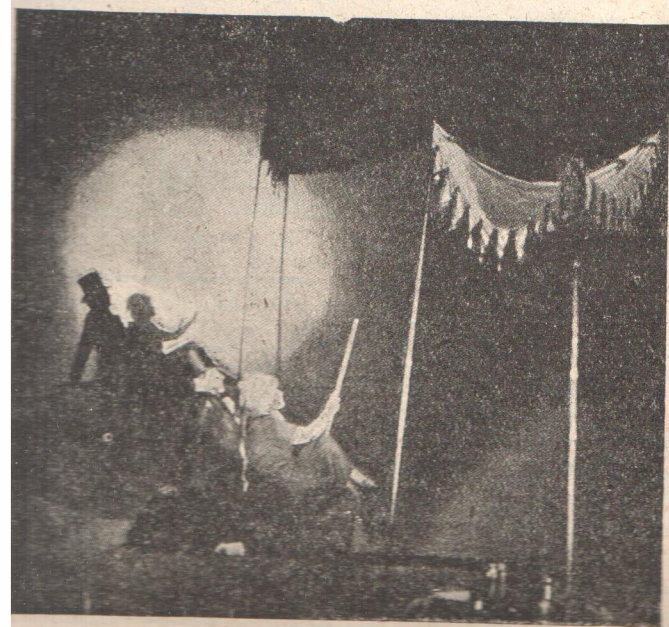
Представление «Д. Е.» — огромное событие, захватывающее зрителя и душателя мощным размахом и стремительностью действия. В этой постановке Мейерхольд уже совершенно освободился и от декораций и от конструкций. Бесчисленные эпизоды и сцены разыгрываются на фоне больших щитов-ширм, передвигающихся по сцене молниеносной быстротой и причудливо складывающихся в любые комбинации.

Как и в «Лесе», как в других революционных работах Мейерхольда гениальная простота средства дает

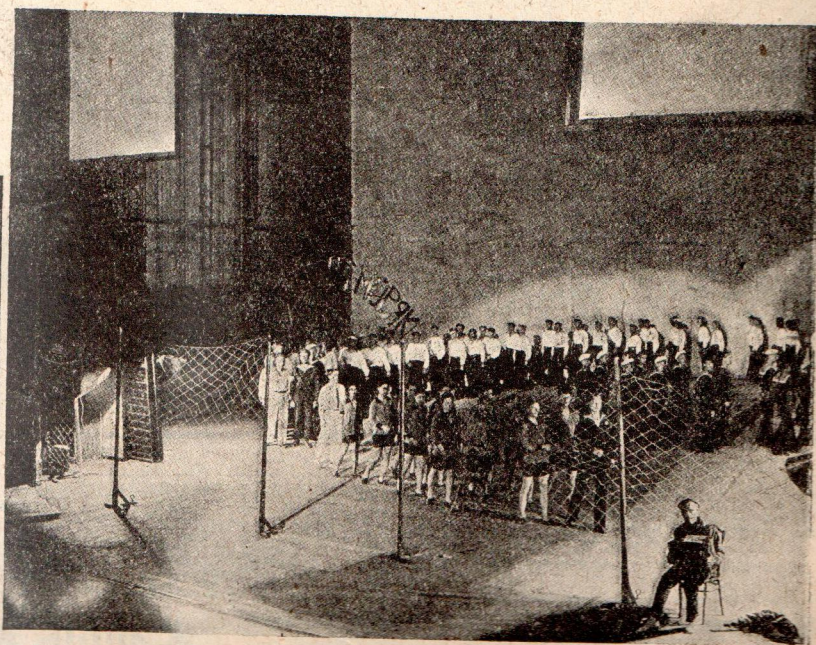
максимум образа и впечатления. Салоны океанского парохода, душные нью-йоркские конторы, разгул польской аристократии, уличная трамвайная сутолока советской Москвы, фокстротный притон в погибающем Берлине, гулкая жуть родовых англий-

«Погибать, так с музыкой». Фокстротирующий Берлин.

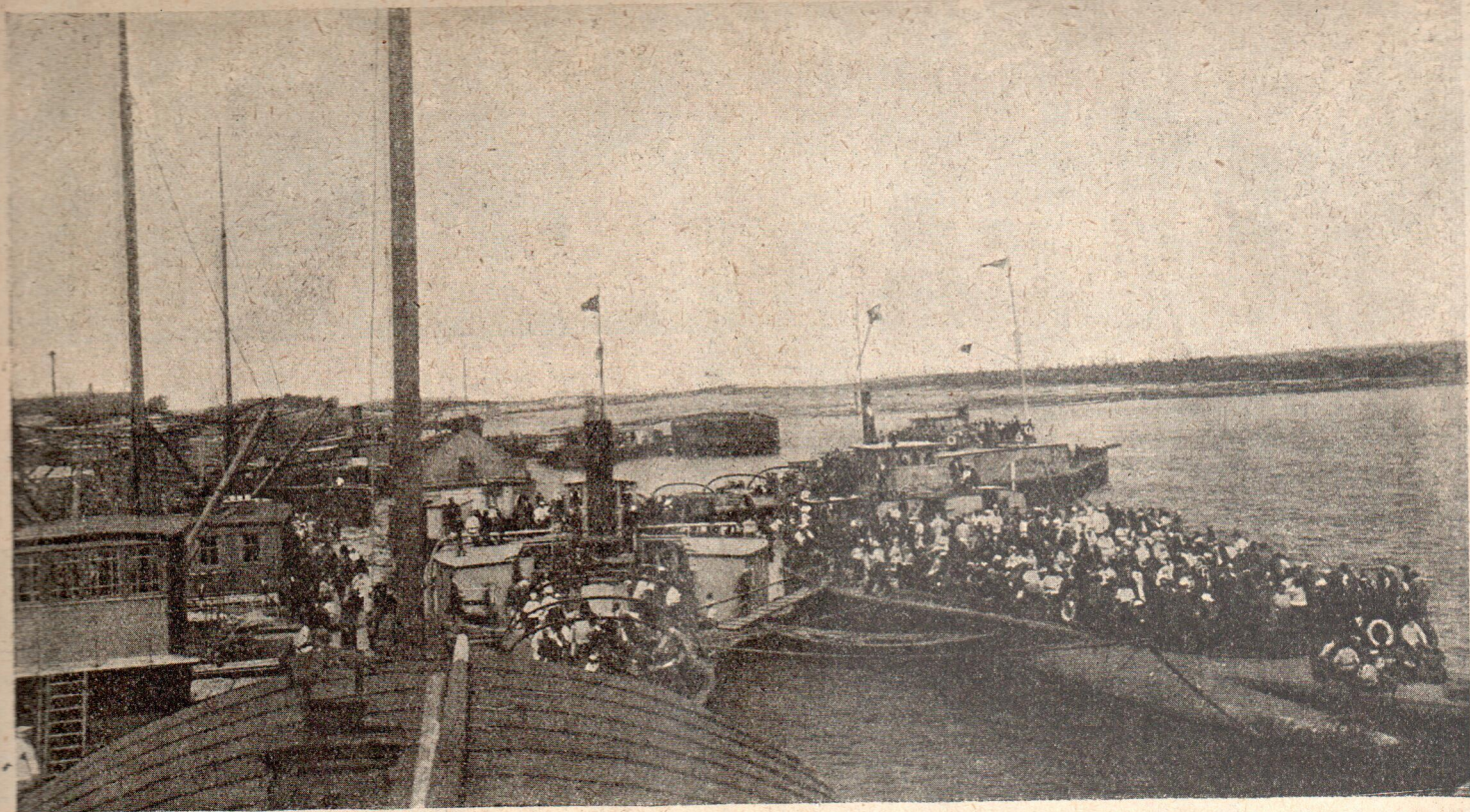

«Все, что осталось от Франции»

7-й эпизод. Спортивная площадка. «Даешь Европу!»

ских замков, спортивная площадка красных моряков, мрачные тоннели под дном океана... все несет в вихре пятен, красок, звуков, музыки, танцев перед глазами захваченного зрителя. Бесперывные световые надписи сразу на трех экранах еще более электируют и «кинематографируют» зрелище, выдающийся антерский состав театра наполняет его обаянием молодого крепкого таланта.

Сормовские рабочие организации решили возродить ранее существовавшие массовки, являющиеся одним из методов массовой агитации и пропаганды на свежем воздухе.

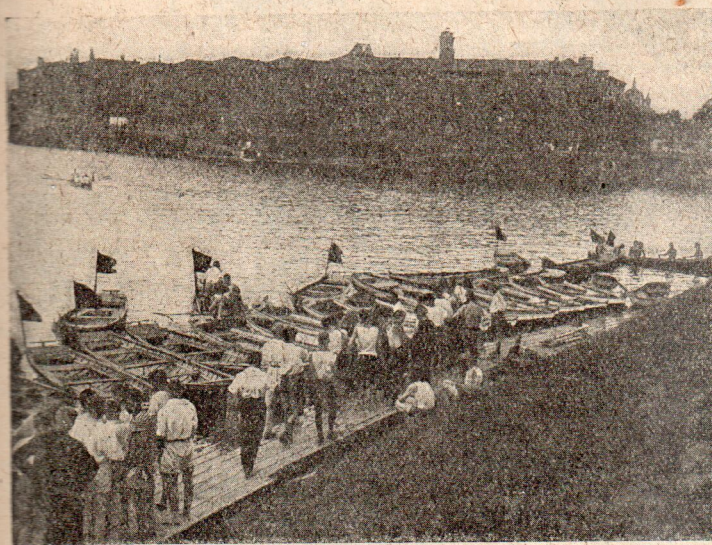
В первой такой массовке приняло участие до 4000 рабочих завода.

Массовка дала прекрасные результаты и вполне оправдала свое назначение. Применение таких массовок, объединяющих рабочую массу в одну семью; предполагается сделать регулярным и, безусловно, станет самым хорошим методом широкой массовой культурной работы на воздухе, отвлекающим рабочих от мешающих «развлечений», вроде пива, карт и т. д.

На снимке — высадка рабочих на левом берегу Велги.

Гребной спорт на Стрелке.

Фот. С. Красинского.

Очередь к посадке на лодки.

Посадка в лодки членов профсоюзов.

Издатель «Мосполиграф».

Редактор Мих. Кольцов.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, Благовещ. пер., 3. Тел. 86-87. ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЭКСПЕДИЦИЯ: Тверская, 48. Тел. 4-80-08 и 41-38. Телеграф. адрес «Москва, ОГОНЕК». Тариф объявл.: 1 стран.—40 чер., 1/2 стр.—20 чер., 1/4 стр.—10 чер. 1 строка нонп. в 1 кол.—60 чер. коп. На обложке—на 50%, дороже. Среди текста—в 2 раза дороже. Сверх тарифа—15% налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 9—3 ч. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на один месяц—50 коп. На год, считая с 1 апреля—5 руб. За прежние месяцы—по 70 коп. Допускается рассрочка в 3 срока: при подписке 2 р., через два месяца 2 р. и через 4 месяца 1 р., за границы: на мес.—35 сент. 1 экз.—10 сент. или в переводе на соотв. местн. валюту. Подписка на «Огонек» принимается во всех почт.-телегр. учрежд. и во всех отделениях и агентствах Госбанка.

КОНЕЦ. ВСЕ ЯСНО:
НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ ПОНАПРАСНО,

НЕ ТРАТЯ ВРЕМЯ В БЕГОТНЕ,—
ЗДЕСЬ ВСЕ КУПЛЮ, ЧТО НУЖНО МНЕ.